

Бунин И. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 — 1909 г.
/ Коммент. В. Титовой //Художественная литература, М., 1987
FB2: WZ (WW_ZZ), 14 October 2019, version 1.0
UUID: 5F16CCD9-6434-4F43-913A-17DBEEC6B187
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

«Казацким ходом»

Содержание

#1	0005
Комментарии	0029

Иван Алексеевич Бунин
«КАЗАЦКИМ ХОДОМ»

*О Днепре, словутицю! — ты пробил еси
каменные горы сквозе землю Половец-
кую!..*

Сл. о пл. Игоре ве

I

Навсегда останется памятной для меня эта поездка на «Чайке»! То было мое первое юношеское путешествие. Позднее мне много пришлось помыкаться по белу свету, но, кажется, ни одно мое путешествие не запечатлелось так в моей душе, как эти недолгие скитания по югу России.

Я очень долго лелеял мечты о них. В то время я кончал курс в гимназии и, следовательно, мог воспользоваться своей свободой только летом. Однако готовиться к дороге я начал, кажется, еще с января. Много вечеров я потратил на изучение карты юга, на составление маршрутов и на высчитывание путевых издержек; наконец, большого труда стоило мне уговорить матушку отпустить меня одного. Я старался держаться так серьезно и важно, а главное, так упрашивал ее, что она согласилась-таки. Но если бы она знала, что

мне придется путешествовать по порогам!

К чести моей, надо, впрочем, оговориться, что я не обманывал ее, когда говорил, что поеду по Днепру только до порогов. Я много читал перед тем о Малороссии, о Запорожской Сечи, часто рисовал себе в воображении бурные днепровские пороги и переезды через них «казацким ходом», то есть прямым путем через их водовороты, но вовсе не надеялся увидеть их в это лето. В дороге я даже забыл о них. Внимание мое было отвлечено видом новой местности и нового типа людей — малороссов, и в вагоне, на пути от Курска до Киева, я или не отходил по целым часам от окна, или прислушивался к мягкому южному говору. И вглядывался в лица.

Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наши мужики — народ по большей части изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и в онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково,

одеты в чистую, новую одежду... И места за Курском начинаются тоже веселые: равнины полей уходят в такую даль, о которой жители средних и северных губерний даже понятия не имеют. И даль эта так живописно скрашивается синеющими курганами и силуэтами стройных тополей на хуторах.

Благодаря всему этому я очень долго пробыл в пути до Киева. За Путивлем, за древним Путивлем, где когда-то плакала Ярославна, плакала ранними зорями на «забороле» об Игоре, — я покинул поезд и решил идти несколько дней пешком. Вещи мои были сданы в багаж, револьвер — со мною, и мне ничто не мешало привести в исполнение свое намерение. Во мне уже и тогда жила страсть к пешим путешествиям, — и вот я один в степи, правда недалеко от станции, чтобы иметь возможность запастись пищей, но все-таки в степи, целый день один и под открытым небом!

А погода, как нарочно, стояла прекрасная. День за днем поднимался все ярче и ярче. И как яркий знойный сон, осталось во мне воспоминание об этих днях. Было начало июня,

самое веселое время года. Никогда не бывает таких светлых полдней, никогда не дышит природа такую полнотою счастья и жизнерадостности, как в эту пору; и хорошо мне было идти по горячим, пыльным дорогам, пробираться по межам, утонувшим в неподвижных ржах, овсах, ячменях к пшеницам, где, как от костра, пышет в лицо сухим жаром, душно пахнет степною растительностью — нагретыми цветами и травами, а над головою звенит и звенит воздушная музыка тысячи дискантовых оркестров насекомых, неумолчно воспевающих эту радостную жизнь степного июньского полдня, эти бесконечные дали, млеющие в ослепительном блеске солнца!..

Верст за сто до Киева я наконец снова сел в вагон. Как сейчас помню, солнце уже склонялось к западу, поезд быстро бежал среди приднепровских лесов, и вдруг в воздухе ощутительно повеяло каким-то удивительно приятным, свежим ароматом. Я выглянул в окно, — и сердце во мне захолонуло от радости: предомной уже расстилалась на несколько десятков верст и синела лесами, лугами и отдаленными горами — долина Днепра!

— Чем же это так хорошо пахнет? — спросил я своего соседа.

— А! — сказал он с улыбкой. — Это редкий аромат! Это пахнет зеленью дубовых лесов и верболоз на островах, еще недавно вышедших после половодья из Днепра.

Не знаю почему, но слова его показались мне тогда очень поэтичными. Поезд под уклон бежал все быстрее и быстрее, и, стоя у окна, я упивался ароматным ветром, который так ласково и мягко бил мне в лицо навстречу. Долина все привольнее разворачивалась в золотистом вечернем освещении. А потом резко засинел разлив и самого Днепра, сверкнули за Днепром, впереди поезда, золотые кресты киевских церквей на высоких горах, загремел под колесами вагонов днепровский мост и долго мелькал перед глазами железными переплетами своей решетчатой галереи, словно поезд бежал в клетке.

— Киев! — слышались голоса вокруг меня. — Слава тебе, господи, — приехали!

II

И вот мечты мои осуществились: я — в на-

стоящей Малороссии, на Днепре, да еще стою на палубе «Чайки», отправляющейся в долгое плавание, во время которого придется «казацким ходом» переправляться через пороги!

Попасть на нее мне удалось, как уже было сказано, совсем случайно, благодаря неожиданной протекции одного нашего дальнего родственника, жившего в Киеве и занимавшегося собиранием материалов для истории Малороссии.

— Если вас так уже интересует Днепр, — сказал он мне, — так я вам устрою поездку до самого Александровска на «Чайке». Хотите?

— А что это за «Чайка»? — с любопытством перебил я.

Он хитро и искоса взглянул на меня сквозь очки и засмеялся жидким смехом худощавого и маленького старичка.

— А це не птица, — сказал он в нос, — це такой гопчак, иными словами — барка, нагруженная дровами.

Признаюсь, это меня разочаровало. Я вообразил, что «Чайка» — какой-нибудь красивый белый бриг под белыми парусами; а тут вдруг — барка с дровами!

— Да, да, — подтвердил старый ученый, — это барка одного моего знакомого еврея, который и прозвал ее «Чайкой». Глупо, конечно, ку да что ж делать! Вам придется двигаться на ней очень медленно, да зато вы перейдете пороги, чего нельзя сделать на пароходе, и увидите настоящих потомков запорожцев — лоцманов, которые поведут «Чайку» от самого Екатеринославля до Хортицы, где когда-то тоже пановали казаки. Таким образом, я думаю, вы примиритесь с «Чайкой»...

Я с благодарностью поспешил согласиться на такое предложение и, надо правду сказать, не жалел потом об этом: я действительно не только примирился с «Чайкой», но привязался к ней и покинул ее с большой грустью.

Мирно и весело протекло наше плавание на ней! Весь экипаж ее состоял из одиннадцати человек: восьми гребцов-белорусов, старика-еврея, его племянника и меня. Белорусы почти весь день, стоя, гребли длинными веслами. Молодой Илья Исаич лежал на палубе и большую часть времени читал лубочные романы, а сам Исай Маркович, толстый и чрезвычайно серьезный человек, был занят

какими-то расчетами, молитвою да едою и все сидел в каюте — небольшой деревянной каморке, устроенной на корме под рулем. Я, таким образом, был вполне предоставлен самому себе и мог спокойно наслаждаться красотой Днепра.

По зорям от широкого лона реки, от ее неоглядных берегов и синеющих далее веяло такой здоровой свежестью, такую ароматной влагою — крепким запахом дубовой зелени, что казалось, с каждым вздохом впитываешь в себя молодость и бодрость. Плавко отдавалась медленному течению наша барка, а навстречу ей двигалась многоводная ширь Днепра, проходили зеленые рощи островов, там и сям тяжело плыли огромные плоты, а на них хлопотали за работой люди, раздавались бойкие крики, говор и песни. И, щурясь от яркого и бодрого блеска утреннего солнца, я не сводил глаз с этой величавой реки, извивающейся больше чем на две тысячи верст по древним местам русского царства. Вид наших гребцов, голубоглазых, покорных и ласковых белорусов, в лаптях и длинных, грязных рубахах, напоминал мне бедную родину Днепра —

болота Смоленской губернии. Там таинственно зарождается он маленькою речкою и бежит среди дремучего Полесья, где до сих пор еще бродят кабаны и дикие козы, а бобры строят на лесных затоках свои хижины; там растет он, сливаясь с таинственными притоками в глуши и синеватом сумраке сосновых дебрей, и уже величавым и полноводным появляется в этой мирной и веселой Украине, благословенной стране земледелия и сельской жизни.

И я думал о том, как прекрасна еще до сих пор эта страна, над которой пронеслось столько веков кровавых войн и раздоров, по степям которой бродили дикие племена печенегов и половцев; думал о том, как долго хранит эта страна печать глубокой старины среди новой, шумной жизни... И — смешно сказать! — стоя на палубе, я не раз искал глазами того места, где когда-то среди гор белел приднепровский хутор пана Данилы...

Но, увы, бог его знает, где это жил пан Данило! Времена «Страшной мести», так же как и далекие времена половцев, давно отошли в вечность. Грозные были уже не пугают нас,

но еще живо напоминает о них могущественный и глубокий Днепр. Вершины его прибрежных гор все еще похожи на древние курганы... На них видны теперь только звездообразные крылья бесчисленных ветряков, но за ними расстилаются пустынные и необозримые равнины, степь, как море широкое, синет, да чернеют силуэты каменных статуй — мертвых идолов, при взгляде на которые так жутко сжимается сердце, а мысль невольно переносится к темной и дикой жизни седой старины...

III

В таких размышлениях незаметно проходило для меня время; а «Чайка» между тем спокойно и незаметно совершала свой путь.

Дни продолжали стоять все такие же знойные и светлые, какие могут быть только на юге. Часов с одиннадцати утра вся картина Днепра как бы замирала в неподвижном воздухе. Воздух, казалось, был так же горяч, как горячий пар, что, подобно расплавленному стеклу, чуть дрожал над широкими, черными трубами белых пароходов, медленно обгоняв-

ших нас. Замирал светло-стальной Днепр, цепенели окрестные пейзажи — далекие деревушки и тополи, бледно-синеватые силуэты невысоких гор за низменными, привольными лугами. Ослепительно блестели песчаные полосы мелей, и казалось, что это желтеют полосы спеющих ржей. «Чайка», проплывая мимо них, замедляла ход, и тогда еще более затихало все кругом. И только заунывные голоса белорусов, мерно опускавших и поднимавших весла в такт своим грустным напевам, нарушали этот мертвый покой.

А в дощатой сосновой каюте, горячо нагретой солнцем, весь день с неуловимой плавностью бежали по потолку светлые отражения реки, в открытое окошечко тянуло прохладой, пахло водой и рыбой, между тем как у самого борта весь день шумели и плескались прозрачные днепровские волны, так неустанно и ровно бегущие и волнующиеся, что при взгляде на них кружилась голова и обнимала дремота...

Под влиянием этого мира и покоя мало-помалу бледнели воспоминания древности, неразлучно связанные с киевскими местами,

и уступали место впечатлениям новой жизни, переполняющей теперь берега Днепра. Я видел шумные торговые пристани, которые кипели народом в живописных малоросских нарядах; видел старинные большие села, которых так много под Киевом, — эти сотни белых хат, утонувших в зеленых садах, и сверкающие над ними кресты сельских храмов; знал, наконец, что и там, по левую сторону Днепра, на его притоках и на степях, также тонут в садах веселые и многолюдные деревни, и ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, кто воплотил в своих песнях всю красоту своей родины вместе с горестями своей страдальческой жизни и чье простое крестьянское имя — Тарас Шевченко — навсегда останется украшением русской литературы.

Впоследствии я бывал на могилах многих великих людей, но ни одна из них не произвела на меня такого трогательного впечатления, как могила украинского кобзаря. И в самом деле, — чья могила скромнее и в то же время величественнее и поэтичнее? Вблизи ее — древний Канев, «место крови»[1], по ста-

ринному турецкому наименованию, где по-
чивают на древних монастырских кладбищах
герои и защитники старинного казачества —
Самийло Кишка, Шах и Иван Пидкова[2]. Са-
ма она — на высоких, живописных горах, да-
леко озирающих и Днепр, и синие долины, и
сотни селений, — все, что только дорого было
усопшему поэту. И в то же время как проста
она! Небольшой холм, а на нем — белый
крест с скромной надписью... вот и все! Ко-
гда-то тот, кто лежит теперь под ним, лелеял
мечты о родной хате, которую ему теперь хо-
телось поставить над Днепром, «принести и
положить на дніпровых горах сердце замуче-
но, источено горем». Он даже побывал перед
смертью на этих горах и трогательно делился
своими заветными мечтами с горячо люби-
мою сестрою. Но, увы, покой и приют от ски-
таний и горестей ему суждено было найти
лишь в могиле!

Беленькая хатка, окруженная мальвами,
маком и подсолнечниками, стоит теперь воз-
ле его надгробного креста. Чисто и уютно в
ней, но хозяин ее никогда не переступит ее
порога. Грустно смотрит его портрет со стены

хатки на «Кобзарь», лежащий на столе, и как бы с укором говорит посетителю: «Что вы сделали со мною, люди? За что так грустно и одиноко протекала моя жизнь? Зачем положили вы меня в могилу, когда я так любил божий мир и свою родину?..»

IV

Взволнованный, я часто возвращался мыслями в эту беленькую хату. С грустью смотрел я на удаляющиеся от нас Каневские горы. И еще прекраснее и милее казалась мне теперь родина великого народного поэта.

Был один из тех вечеров, которые так любят ласточки, вечер, когда им так привольно уноситься в ясное небо или скользить над зеркальной водою, быстро задевая ее острым крылышком, и снова с безотчетно радостным щебетанием тонуть в чистом воздухе, — вечер, полный идеальной, гармонической красоты.

Все самые нежные краски — от пепельно-розовой до пурпурно-золотистой, — все самые легкие отражения вечерней зари воспринимала неподвижная, широкая, как озеро, по-

верхность Днепра; даже странно было чувствовать, что мы плывем по ней — так картинна и спокойна была она... А плыли мы уже под Секиной, в тех местах, где правый берег после гор на несколько верст в ширину и длину расстилается в широкую, низменную равнину. То были луга, заливные луга, не наши великорусские, от которых веет всегда пустынностью, а украинские живописные луга, по которым то зеленеют рощи, то одиноко идут среди сенокосов кудрявые деревья, красивые и картинно сокращенные далью, как на рисованных пейзажах. Может быть, летний вечер и мое настроение опозитизировали эти места; но только мне казалось, что именно эти места — настоящие украинские, такие, какими я рисовал себе их с детства, со всей поэзией и мечтательной красотой южной природы.

И я глядел в вечернюю даль этих заливных лугов, представлял себе зеленую сельскую улицу и почти слышал звонкие девичьи голоса около белых хат, далеко разливающиеся по тихой заре и поющие о том же, о чем пел и великий украинский поэт. Я опять

вспоминал те могилообразные горы, от которых пахнуло на меня старыми преданьями, и невольно переплетал свои мысли с мыслями о жизни Тараса, не спуская глаз с его могилы.

И далекие Каневские горы долго рисовались позади нас, как смутно-лиловая тучка, на золотистом фоне запада. И всю зарю маячили их очертания за безбрежным зеркалом Днепра...

А когда стемнело и на мачту подняли фонарь, стало холодно, слегка туманно, и, глядя вперед, на восток, я уже не видел берегов. Синий Днепр слился с мутной синевой темной ночи. Ночной ветер разводил большую зыбь; Днепр волновался, и казалось, что вся туманная синева Днепра и ночи клубится и дышит холодом морской дали... Зыбко переливались там, вдали, бледно-зеленые огни какого-то невидимого парохода... Наконец потонули за волнами и они...

Я ушел в каюту, где уже все спали, и до зари без сна лежал на койке. Как в гробу, было темно в ней. И этот мрак, и ровное покачивание, — казалось мне, что я в могиле и вся земля тихо покачивается, — и этот ровный-ров-

ный, однообразный шорох, непрерывный плеск и шум днепровских волн, бегущих у изголовья, еще более странно настраивали и волновали меня...

Там, на горах, над угрюмым Днепром, в темноте глубокой ночи, могила молчала вечным молчанием...

V

С тех пор прошло много лет, но то, что я переживал на Днестре, не исчезло бесследно. Прежде я бессознательно тянулся к скитаниям по новым местам, — теперь я ясно понял, что значат они. Я понял, что для того, чтобы жить полной жизнью, мало науки, мало одних книжных знаний и житейского благополучия. Для меня открылась красота природы, глубокая связь художественных созданий с родиной их творцов, увлекательность изучения народа и поэзия свободы и воли в скитальческой жизни...

— Ой, ой! — говорил Исай Маркович, покачивая головой, когда мы подходили к Екатеринославу, — погода переменилась: задуют ветры... И что мы тогда здесь будем делать на

порогах? Это будет хуже, как в прошлом годе...

Но меня только радовали предполагаемые опасности. И хотя погода в день нашего отъезда от Лоцманской Каменки, под которой уже начинаются пороги, стояла тихая и ясная, — мне все казалось, что с нами должно случиться что-то необыкновенное, страшное и поэтическое.

Этому способствовали и бесконечные разговоры на «Чайке» о порогах, и вид двух приехавших из Каменки лоцманов, без которых ни одно судно не может, по закону, идти дальше Екатеринослава, и торжественность нашего отправления в путь. Я почти с благоговением смотрел на этих прямых потомков запорожцев-лоцманов. Один из них был высокий, строгий старик-казак, другой — коренастый, добродушный и важный, настоящий Тарас Бульба. Высокий-то и назывался лоцманом, а его товарищ, по обычаю, носил кличку «дяди».

И вот наступил момент, когда, после угощения в каюте, «дядя» быстро встал с места, взял шапку, расправил усы и пошел на палу-

бу.

— Ну, діти, — громко и серьезно крикнул он, снимая шапку, — помолимось господу богу!

И первый стал на колени и, побледнев от волнения, низко поклонился в землю. За ним опустились на колени и мы и в торжественной тишине горячо помолились о благополучном плавании. Потом подняли якорь, гребцы стали к веслам, и «Чайка» медленно поплыла по порогам.

Это было, как значится в моей записной книжке, утром во вторник, 12-го июня, а утром 13-го я уже навсегда простился с «Чайкой». То, чего мы ждали все время в пути от Киева, — наступило, и в хлопотах и волнениях день промелькнул как-то совсем незаметно. Плыли мы очень быстро, потому что в этих местах течение Днепра очень сильно. От самого Екатеринослава до Александровска весь он наполнен каменными «заборами» и порогами. Эти пороги и заборы — не что иное, как широкая гранитная полоса, отроги Карпатских гор, пересекающие Днестр, Буг и Днепр. Весной они совсем скрыты под водою,

а «в среднюю воду», то есть в то время, когда плыли мы, Днепр очень грозно шумит по их камням и камни эти во многих местах торчат из реки. Всех порогов считается десять, но особого волнения стоили нам только два или три, и между ними главным образом — Нена-сытец.

«Чайка», повторяю, очень быстро шла теперь по Днепру даже между порогами. Гребцы отдыхали в это время, лежа на палубе. Светлая, стальная поверхность Днепра плавно всей своей ширью неслась вперед. Но вот вдаль начинался шум... ближе... ближе... и вскоре уже явственно было слышно, как гремит порог. Лоцман и «дядя», стоявшие на возвышении на корме и не спускавшие глаз с реки, вдруг замахали шапками, и гребцы бросились к веслам: нужно было разогнать барку, чтобы она быстрее проскочила порог.

— Запеки, запеки, голубчику! — кричали лоцмана, и белорусы, по четыре человека в ряд, разом и крепко навалились на весла, почти припадая к палубе; а «Чайка» неслась все шибче, пока не обозначился перед нею самый порог.

Вид его всегда производил на меня жуткое впечатление. Кругом — стальная гладь реки, плавно скользящая вперед, а впереди — почти черная поперечная полоса волн от берега до берега, словно Днепр перерезан в этом месте. Издалека видно, как его гладь переламывается здесь и несется под уклон, по которому чернеющие волны мечутся и кипят белыми гребнями пены.

— Шабаш! — вдруг, напрягши грудь, вскрикивает «дядя». — К стерну (рулю)!

И белорусы, моментально бросив весла, кидались к громадному деревянному рулю, выдающемуся над кормою, и наваливались на него всей тяжестью, ворочая его и откидываясь вместе с ним то вправо, то влево. А побледневший лоцман продолжал кричать изо всей силы;

— Тягны, тягны!.. тягны, братцы, голубчики!

Тогда и мы все невольно порывались вперед, стараясь хоть чем-нибудь помочь «Чайке» — уже в пороге! Кругом — шум воды, брызги пены, водоворот несет с ошеломляющею быстротою, так что вся «Чайка», нагру-

женная несколькими тысячами пудов дров, прыгает и качается на огромных волнах...

— Проскочили! — кричит наконец «дядя» облегченно, и все выпускают вздох, снимают шапки и долго крестятся на небо, между тем как Днепр, еще не успокоившийся, тихо колышет «Чайку», а сзади уже замирающим шумом гремит порог.

Так прошли мы Кадацкий порог, Сурский, Лоханский, Звонецкий и, наконец, Ненасытец — «Дід», как зовут его лоцманы, — самый грозный порог, в девять рядов скал, — благополучно миновали «пекло» (так называется огромная яма под порогом, где бушует очень опасный водоворот) — и вздохнули совсем весело. Теперь «Чайка» пошла медленнее, и медленно проплывали мимо нее острова в лесах, прибрежные горы, селения и далекие степи. Солнце мирно спускалось за них, и наступал вечер. Мы бросили якорь и ночевали в каком-то пустынном и глухом месте. Развели огонь, заварили кашу, и долго текла беседа около котелка, рассказы лоцманов о своих приключениях, — тихие рассказы под звездным небом, в темноте синей южной ночи...

А на другой день мы перевалили еще через четыре порога, ловко проскользнули в опасной теснине среди высоких, скалистых берегов, недалеко от Александровска, на крутом повороте Днепра к юго-востоку, и скоро были у пристани Кичкас.

Здесь я распрощался с белорусами, с моими радушными хозяевами-евреями, с лоцманами и с «Чайкой». Я отправился на знаменитый «Остров св. Георгия» — Хортицу и долго блуждал по нем, отыскивая хоть каких-нибудь следов старой Сечи. Но остров был тих и пустынен... Только земляные валы, заросшие травой, говорили о том, что когда-то тут были воинские станы...

И степь здесь была уже недалеко. Там, за Хортицей, начиналась Великая Днепровская Плавня, где Днепр разливается необозримыми озерами и весь усеян тысячами островов в рощах, верболозах и камышах. Там, возле Плавни, по левую сторону реки, расстилается Великий Днепровский Луг, царство зеленых, сочных степей, степных болот и речек — страна, славная с древности богатством и плодо-

родием своих земель и кровавыми раздорами за эти земли. А еще дальше, за плавнями и степями, синее море и белеют вольные паруса в морской дали...

«Туда, туда!.. — думал я с восторгом. — Жизнь невыразимо прекрасна и увлекательна. Только надо понять, что дорого и нужно в ней!»

Одесса, сентябрь 1898

Комментарии

Журн. «Всходы», СПб., 1898, № 21, ноябрь, пол заглавием «На „Чайке“». Печатается по тексту сборника «Стихи и рассказы» (М., 1900),

Н. Златовратский считал рассказ «Казацким ходом» лучшим произведением сборника («Журнал для всех», 1901, № 12, под псевдонимом: Н. Оранский).

Рассказ автобиографичен, он создан на материале, полученном от поездок по Днепру, которые Бунин предпринимал в 1890, 1895 и 1896 гг. (подробнее о путешествиях Бунина по Днепру см. *ЛН*, кн. 1, с. 65—66). Рассказу предшествовал очерк «По Днепру». В. Н. Муромцева-Бунина о поездке 1890 г. пишет: «Бунин, заработавши немного денег, решил отправиться на могилу Шевченко, находящуюся вблизи... Канева... Шевченко был его кумиром, он считал его большим поэтом, „украшением русской литературы“, как он говорил и писал... по Днепру плыл на барже с дровами, устроившись за гроши» («Жизнь Бунина», с. 64). Дальше она приводит записи самого пи-

сателя о поездке 1896 г.: «Днепровские пороги, по которым я прошел на плоту с лоцманами летом 1896 года» (там же, с. 97).

Примечания

Город Канев с XIII века неоднократно подвергался нападениям Батыя, литовского князя Гедимины и др.; город играл видную роль во время войн Богдана Хмельницкого.

[^^^]

Самийло Кишка — запорожский гетман начала XVII века, воспетый в украинских народных думах.

Шах — гетман запорожских казаков, принимавший участие в борьбе с турецкими захватчиками.

Иван Пидкова (ум. 1578) — один из руководителей борьбы молдавского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков. Его военным подвигам Т. Шевченко посвятил поэму «Иван Пидкова».

[^^^]